

М. де Серто и тайная свобода практик: спор о природе дисциплинарного общества

Научный руководитель – Гузельбаева Гузель Яхиевна

Тюнин Аркадий Михайлович

Студент (бакалавр)

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казань, Россия

E-mail: oth100@yandex.ru

Составитель французского предисловия Л. Жиар усматривает в трактате «Изобретение повседневности» М. де Серто связь между двумя произведениями, мимо обсуждения которых интеллектуалы 1970-ых не могли пройти, он указывает в предисловии: «Серто построил «Искусство делать» как свой ответ анализу Фуко и спор с ним» [1]. Пожалуй, главной задачей М. де Серто является возвращение волюнтаризма агентам, застигнутых господствующим порядком. Следуя за удачным определением Л. Жиара, подобные операции можно назвать *тайной свободой практик*.

Инструментарий М. де Серто сосредотачивается на микрооперациях, на возможных подвижностях внутри институции и микроразличиях «там, где столь многие видят подчинение и единообразие» [2]. Выстраивая спор, М. де Серто задается вопросом, почему «если и в самом деле эта сеть «надзора» повсеместно распространяется и все более отчетливо заявляет о себе, то тем более настоятельной оказывается необходимость выявить, почему к ней не сводится все общество» [3].

По мнению М. Фуко, «быть рассматриваемым, наблюдаемым... изо дня в день непрерывной записью составляло привилегию». Хроника устаивала своим описанием только жизнь значительных персон: суверена, понтифика, мелкий круг приближенных. Дисциплинарная среда, санкционируемая властью с целью порядка, породила системы классификации и учета отдельных индивидов. «Ребенок, больной, сумасшедший, осужденный все чаще «начиная с XVIII века)... становятся объектами индивидуальных описаний», [U+2012] пишет М. Фуко, а затем добавляет, что «запись более не является процедурой создания героев». Жизнеописания становятся исследованием случая, аномалий и отклонений с целью понять их, уподобить и вернуть в систему функционирующего порядка.

Познание и описание индивида возникает не из-за гуманистической мысли или традиции обращения к внутреннему миру человека, не индивидуализирует и упрощает его существование, а скорее объективирует и ранжирует его положение среди остальных. Как для историка, для М. Фуко было важно отыскать ключевой момент, соединивший интенции в некотором проекте, поэтому он сосредотачивает внимание на идее переустройства общества И. Бентама, который предложил создать новую систему воспитания и надзора, модель тюрьмы, названной паноптикум. Этот реформистский проект И. Бентама фокусирует внимание на человеке, создает тюрьму, в которой заключенный будет находиться под постоянным надзором стражи. Согласно чертежам паноптикума, здание новой тюрьмы должно иметь кольцеобразное строение, в котором «человек... полностью видим, но сам никогда не видит; из центральной башни надзиратель видит все, но сам невидим». Механизм надзора деперсонифицирует власть и индивидуализирует индивида.

Исходя из посылки, что общество не может быть редуцировано к механизму власти, М. де Серто полагает, что «сама система дисциплины и надзора, образованная в XIX веке на основе предшествующих ей процедур, сегодня тоже является «поглощенной» другими процедурами» [4]. Обычные процедурные операции, существовавшие еще до появления

тонкой машинерии власти, возможно, поглощают своим обилием претензию на видимость первой. Эти операции, не получив «привилегированного» статуса от истории, существуют между звеньями учрежденных технологий.

Поскольку общество не может быть сведено к сети надзора, постольку М. де Серто выделяет народную практику в качестве противостоящей властной интенции. Народные практики [U+2012] искусство, «способ делать», «народное» ratio. Чтобы уловить формальную сторону практик, представляющих, по выражению М. де Серто, «повседневное искусство войны», которое можно проинтерпретировать на языке теоретической социологии как теорию практики. Для концептуальной рамки существенным является выделение *стратегий* и *тактик*.

Под *стратегией* понимается «подсчет соотношений сил, который становится возможным с того момента, когда субъект, обладающий волей и властью, может быть вычленен из «окружающих условий». По сути, М. де Серто подразумевает стратегической практикой учет пользователем текущей ситуации, ресурсов и диспозиций, по которым выстраивается «политическая, экономическая и научная рациональность».

Под *тактикой* понимается «расчет, который не может опираться ни на «собственное» пространство, ни, как следствие, на границу, отделяющую другого как видимую целостность. . . У нее нет того основания, где она могла бы накапливать свои преисущества, подготавливать свою экспансию и утверждать свою независимость по отношению к обстоятельствам. . . Напротив, . . . она готова «схватить на лету» выгодный момент». Ей необходимо манипулировать событиями, чтобы создавать из них «благоприятные случаи». Под понятие тактики подпадает множество практики, М. де Серто относит к ним «ловкие проделки, искусство делать «ходы», хитрости охотников, маневрирование, разнообразные симуляции».

Язык описания М. де Серто традиционен для теории практик, сфокусированной на изучении привычек и обычаев. П. Бурдьё формулирует предмет теории практик следующим образом: «Именно потому, что субъекты, строго говоря, не знают, что они делают, то, что они делают, имеет больше смысла, чем они это осознают» [5].

Проект М. де Серто указывает, что даже там, где экономисты видят потребление, а социологи - неравенство, существует «настоящая» жизнь, в противовес тотализирующим моделям ученых. «По аналогии с прочтением, которое в любом случае есть интерпретация, потребление есть одновременно производство» [6]. Оппонируя М. Фуко, М. де Серто утверждает, что любое действие в дисциплинарном обществе всегда имеет печать авторства, независимо, например, от схем обращения с ружьем; даже в идеальной модели тюрьмы - паноптикуме - существует негласный канал передачи информации между заключенными: при общей ассимиляции сохраняется единство стиля жизни, который есть народный ratio. Эмпирическая часть работы будет посвящена "народному ratio", практическому чувству (в терминологии П. Бурдьё), который позволяет агентам "обживать" и присваивать институции, даже под видом полной ассимиляции.

Источники и литература

- 1) Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: 2013. 330 с.
- 2) Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: 2001. 558 с.
- 3) Сергодеева Е. Бурчикова Е. Коммуникативные практики в повседневности информационного общества. Теория и практика общественного развития. №16. 2015. С. 316-320
- 4) Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. Ad marginem. М.: 1999. 479 с.